

КРИТИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

Kriticheskie etyudy

В. БУРЕНИНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2

1888

О ГОГОЛѢ.

I.

Гоголь, какъ всѣмъ извѣстно, признанъ основателемъ той литературной школы, которая господствуетъ у насъ съ сороковыхъ годовъ и выдѣлила цѣлый рядъ крупныхъ талантовъ и крупныхъ произведеній, поставившихъ русскую литературу въ уровень съ литературами европейскими, давшихъ ей среди нихъ самостоятельное мѣсто. Это вообще признано, объ этомъ никто не спорить. Но, странное дѣло, въ самый цвѣтущій литературный періодъ, когда появились наиболѣе зрѣлыя, наиболѣе талантливя работы Гончарова, Тургенева, Островскаго, Достоевскаго, Л. Толстого, Салтыкова, — именно въ этотъ цвѣтущій періодъ художественно-реалистической литературной школы ея основатель и величайшій представитель былъ какъ бы забытъ; забытъ не читающею публикой конечно — она всегда его помнила — а литератур-

ною критикой. Вѣдь если говорить правду, у насъ до сихъ поръ нѣтъ полной и цѣльной критической оцѣнки Гоголя, хотя бы, напримѣръ, даже такой, какую Бѣлинскій сдѣлалъ произведеніямъ и значенію Пушкина. Геніальный критикъ предполагалъ сдѣлать подобную оцѣнку—онъ не разъ обѣщалъ написать «большую статью» о сочиненіяхъ Гоголя—но ему не удалось выполнить свое предположеніе. Въ статьяхъ Бѣлинскаго разсѣяно много общихъ и частныхъ замѣчаній о разныхъ сочиненіяхъ Гоголя, много полемическихъ опроверженій, направленныхъ противъ нелѣпыхъ и тупыхъ мнѣній, исходившихъ при началѣ литературной дѣятельности Гоголя, да и впоследствии отъ различныхъ близорукихъ «цѣнителей и судей». Послѣднихъ статей, то есть полемическихъ, по отношенію къ Гоголю у Бѣлинскаго гораздо больше, чѣмъ собственно критическихъ. Это вполне понятно: при той борьбѣ, какую приходилось выдерживать Гоголю, какъ основателю новой художественной школы, съ старыми литературными теченіями, главному наиболѣе сильному и горячему приверженцу художника въ критикѣ необходимо было, стоя въ первомъ ряду бойцовъ, много и часто биться съ противниками «новаго слова», провозглашеннаго новымъ творцомъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ». Бѣлинскій боролся за Гоголя и только-что народившуюся реалистическую школу неутомимо и, быть можетъ, именно за полемической борьбой и не успѣлъ выполнить

критическую задачу, очевидно очень тревожившую его: дать полный и обширный критическій разбор сочиненій Гоголя, установить болѣе или менѣе подробную и точную оцѣнку значенія великаго реалиста и общаго смысла его произведеній. Бѣлинскому удалось показать образчикъ полнаго и обстоятельнаго критическаго отчета только объ одномъ «Ревизорѣ», въ извѣстной статьѣ о грибоѣдовской комедіи, гдѣ онъ провелъ блестящее, хотя, быть можетъ, не совсѣмъ правильное сопоставленіе двухъ геніальныхъ пьесъ. Объ остальныхъ произведеніяхъ Гоголя, повторяю, знаменитый критикъ почти всегда говорилъ урывками и больше по поводу ихъ, чѣмъ о ихъ сущности.

И мало того, что Бѣлинскому не удалось сдѣлать полную оцѣнку Гоголя, онъ при всѣхъ своихъ заслугахъ по разъясненію и утверженію гоголевской идеи въ литературѣ, при всѣхъ заслугахъ по защитѣ реалистически-художественнаго творчества автора «Мертвыхъ Душъ», тѣмъ не менѣе былъ однимъ изъ первыхъ установителей — скажу прямо — узкаго и односторонняго фальшиво-либеральнаго взгляда на *писательскую личность* Гоголя. Какъ извѣстно, знаменитая «Переписка» была встрѣчена Бѣлинскимъ съ великимъ негодованіемъ, была объявлена имъ публичной оплеухой, нанесенной Гоголемъ самому себѣ, была признана отступничествомъ великаго писателя отъ художественныхъ и моральныхъ принциповъ, выраженныхъ въ наиболѣе крупныхъ и

зрѣлыхъ его созданіяхъ, каковы «Ревизоръ» и «Мертвыя Души». Въ извѣстномъ письмѣ къ Гоголю по поводу «Переписки», письмѣ, оглашенномъ въ печати очень недавно (и то съ пропусками), но въ свое время ходившемъ по рукамъ въ многочисленныхъ спискахъ—въ этомъ письмѣ Бѣлинскій приписалъ Гоголю даже предосудительныя карьеристскія цѣли, не говоря уже о томъ, что онъ объявилъ провицательнѣйшаго и глубочайшаго художника не только отсталымъ и невѣжественнымъ мыслителемъ, но даже злостнымъ обскурантомъ. Было бы страннымъ винить теперь благороднѣйшаго и искреннѣйшаго изъ нашихъ литературныхъ дѣятелей въ такомъ мелкомъ отношеніи къ личности гениальнаго писателя: напротивъ, по обстоятельствамъ времени онъ, безъ сомнѣнія, былъ вполнѣ правъ въ своемъ горячемъ протестѣ противъ того, что съ точки зрѣнія тогдашняго (да, пожалуй, и теперешняго) условнаго либерализма ему казалось въ Гоголѣ «обскурантизмомъ», «ретроградствомъ», отсталостью и невѣжествомъ. Но слѣдуетъ однако же сказать, не боясь обидѣть «тѣнь» Бѣлинскаго, что мнѣніе о личности Гоголя, мнѣніе о его мыслительныхъ качествахъ, пущенное имъ въ ходъ, было мнѣніе въ высшей степени несправедливое и пристрастное, объяснимое только склонностью критика къ крайнимъ увлеченіямъ съ одной стороны и кружковыми литературными вліяніями его времени—съ другой. Слѣдуетъ сказать также, что это мнѣ-

не, выраженное съ обычной страстностью и съ обычной силой, свойственными Бѣлинскому, имѣло послѣдствія крайне вредныя для установки правильнаго взгляда на писательскую личность творца «Мертвыхъ Душъ». Благодаря именно статьѣ Бѣлинскаго о «Перепискѣ» и еще болѣе благодаря его знаменитому письму, въ нашей литературѣ, или, по крайней мѣрѣ, — говоря рутинно-журнальнымъ выраженіемъ, — въ извѣстной ея «господствующей части» установился на Гоголя, какъ писателя - человѣка и какъ мыслителя, взглядъ, который, не боясь ошибки, можно назвать либерально-легкомысленнымъ и рѣшительно не соответствующимъ тому неизмѣримому величію творческаго ума и таланта, которые являетъ намъ создатель «Мертвыхъ Душъ». Этотъ фальшивый и узкій взглядъ установился такъ прочно, что позднѣе, въ шестидесятыхъ годахъ, онъ повторялся съ самымъ неприятнымъ апломбомъ критиками и дѣятелями публицистики, которые, безъ всякаго сомнѣнія, по своимъ «идейнымъ» и такъ называемымъ гражданскимъ стремленіямъ недостойны были развязать ремня на сапогѣ Гоголя. Взглядъ этотъ перешелъ даже въ нѣкоторые мнимолиберальные курсы русской литературѣ и смѣло, или, точнѣе выразиться, нагло провозглашался тамъ наряду съ оцѣнками личности Пушкина, какъ высокоталантливаго поэта, но вертопрашнаго «гражданина», мало разумѣвшаго истинно - свободныя «идеи вѣка», и съ оцѣнками личности Лермон-

това, какъ даровитаго гусарскаго офицера — не болѣе того. У насъ вѣдь вообще существуетъ замѣтная склонность къ весьма легкому и развязному третированію наиболѣе крупныхъ и наиболѣе истинныхъ выразителей нашего народнаго духа, и въ этомъ отношеніи мы еще не приобрѣли себѣ до сихъ поръ той благородной робости передъ величіемъ избранныхъ представителей общественной мысли, представителей національнаго генія, какою обладаютъ другія европейскія націи. Только въ самое послѣднее время, если не въ литературѣ, то въ обществѣ, начали, кажется, обнаруживаться нѣкоторые признаки благопріятнаго поворота въ указанномъ отношеніи, что отчасти доказывается кой-какими фактами, выразившимися на радостномъ торжествѣ по поводу открытія памятника Пушкину и на печальныхъ торжествахъ похоронъ Достоевскаго и Тургенева. Я сказалъ: если не въ литературѣ, то въ обществѣ, потому что развѣ еще не видали мы недавно, какъ одинъ изъ мелкотравчатыхъ беллетристовъ нашихъ дней, повѣствуя въ своихъ журнальныхъ признаніяхъ объ исторіи своего литературнаго «развитія» и указывая на вліяніе въ этомъ развитіи гр. Л. Толстого, не преминулъ тутъ же обратиться къ геніальному автору «Войны и Мира» съ упреками и сожалѣніями о малой «развитости» этого послѣдняго и съ заявленіемъ, что эта малая развитость у насъ примѣчается во всѣхъ нашихъ геніальныхъ писате-

ляхъ и служить главною причиною того, что они подѣ конецъ своего поприща обнаруживаютъ слабомысліе и предосудительное отступничество отъ «идей вѣка», предосудительную мыслительную отсталость. Конечно, это фактъ мелкій, какъ мелокъ «дѣятель», публично выскочившій съ своими сожалѣніями и наставленіями одному изъ величайшихъ теперешнихъ не только русскихъ, но и европейскихъ художниковъ, одному изъ самыхъ глубокихъ и оригинальныхъ умовъ; тѣмъ не менѣе, это фактъ характерный, и, какъ хотите, въ современномъ либеральномъ выскочкѣ, быть можетъ, отразилась та же самая тенденція, которая когда-то толкнула Бѣлинскаго на третированіе Гоголя, по поводу его «Переписки», какъ отсталого и мало развитого мыслителя и плохого «гражданина».

II.

Къ оцѣнкѣ личности того или другого гениальнаго художника отнюдь не слѣдуетъ подходить съ камердинерскими съ одной стороны и узко-партийными мѣрками—съ другой. Если цѣнить личности гениевъ съ точки зрѣнія ихъ человѣческихъ слабостей, то кого изъ наиболѣе великихъ не придется поставить на самый низменный уровень, къ злорадному удовольствію тупыхъ и пошлыхъ ничтожностей? Смѣшно и глупо корить, положимъ, Шекспира тѣмъ, что онъ давалъ деньги за про-

центы на склонѣ своихъ дней. Точно также смѣшно и глупо разбирать, основательно ли онъ зналъ школьныя науки и либераломъ или ретроградомъ онъ является въ своихъ драмахъ и комедіяхъ. Между тѣмъ, у насъ камердинерская и узко-партийная точка зрѣнія въ большомъ ходу и наши «развитые», «честные» и высоколиберальные критики очень любятъ ставить на видъ, что одинъ геніальный писатель обнаруживалъ предосудительную склонность къ пустой свѣтской жизни и придворному мундиру, другой дружилъ съ сильными міра сего, унижался предъ ними, ханжилъ съ святошами и отличался лукавствомъ, третій жилъ съ крѣпостными дѣвушками, купленными за деньги, четвертый любилъ поѣсть и выпить и предавался цинизму и т. д. Еще больше любятъ у насъ мѣрять геніальныхъ писателей на аршинъ партій и съ истинно-дѣтской назойливостью приставать къ нимъ: либералы они или ретрограды, соотвѣтствуютъ они по своимъ идеямъ и по своему образованію «последнимъ словамъ», «последнимъ выводамъ» науки и господствующаго либерализма или радикализма. Честные, развитые и высоколиберальные критики, практикующіе оцѣнки личности, образованія и политическаго направленія геніальныхъ писателей забываютъ объ одномъ чрезвычайно важномъ обстоятельстве, именно о томъ, что третируемые ими люди представляютъ въ жизни извѣстнаго общества и извѣстнаго народа явленіе необычайное, почти, можно сказать, чудесное явленіе, что

ихъ человѣческія слабости и даже пороки не имѣютъ ровно никакого значенія въ виду величія ихъ художническаго призванія, что недостаточность ихъ формальнаго школьнаго образованія исчезаетъ, ступшевывается въ виду ихъ прирожденнаго духовнаго всевѣдѣнія; что ихъ политическое «направленіе» не можетъ имѣть условной «современной» окраски, ибо они творятъ не для своего только времени, не для одной настоящей минуты, а и для ряда вѣковъ, для будущаго; что по большей части они именно свое-то время и опережаютъ шириною и глубиною своихъ идей, не укладывающихся въ узенькія рамки извѣстнаго «политическаго момента» въ развитіи того общества и народа, которымъ посылаетъ подобныхъ людей благосклонная судьба.

Гоголь, безъ сомнѣнія, былъ однимъ изъ такихъ необычайныхъ, чудесныхъ явленій въ русской жизни и только Пушкинъ, да развѣ еще Ломоносовъ могутъ съ нимъ стать въ одномъ ряду. Въ самомъ дѣлѣ, если попристальнѣе взглядѣться, не представляется ли по истинѣ изумительнымъ чудомъ такой фактъ: полуобразованный малороссъ, почти не видавшій Россіи и изучившій ее или проѣздомъ, или въ Петербургѣ, неизвѣстно какимъ провидѣньемъ схватываетъ весь строй русской жизни съ отрицательной точки зрѣнія и отражаетъ этотъ строй въ такихъ яркихъ и глубокихъ, въ такихъ общихъ и цѣльныхъ образахъ, что они, несмотря на политическую и обществен-

ную переформировку Россіи, до сихъ поръ по своей сущности остаются типическими и родовыми и, конечно, останутся такими навсегда. Полусобразованный малороссъ, почти незнакомый съ философско-художественными и научными теченіями его времени, обнаруживавшимися въ иностранныхъ литературахъ, почти незнакомый съ великими образцами этихъ литературъ, неизвѣстно какимъ провидѣньемъ усвоиваетъ съ необыкновенною глубиной пониманія идею реалистическаго творчества, только начинавшую назрѣвать тогда на Западѣ, и осуществляетъ эту идею рядомъ геніальныхъ созданій, несравненныхъ по силѣ художественной концепціи, выводитъ русскую литературу на совершенно новый путь, создаетъ цѣлую литературную школу, основной принципъ которой былъ усвоенъ высокоразвитыми западными литературами гораздо позднѣе, чѣмъ нашей, благодаря ему, сразу ставшей на почву правдиваго пониманія и выраженія истинныхъ задачъ искусства. Какъ онъ достигъ этого, при всѣхъ явныхъ недочетахъ своего образованія и, быть можетъ, даже жизненнаго опыта, недочетахъ, которые ему обыкновенно ставятся въ укоръ мудрыми цѣнителями и судьями? Вотъ въ этомъ-то и заключается чудесная тайна, поражающая каждого, кто захочетъ вникнуть въ дѣло, въ этомъ-то и заключается необычайность того явленія, которое представлялъ и представляетъ этотъ удивительный че-

ловѣкъ и его удивительныя созданія. Разгадка этой тайны одна: онъ былъ геній.

Да, онъ былъ геній въ полной мѣрѣ, такой геній, какіе являются вѣками, возникаютъ и развиваются, повидимому, таинственными путями, сами изъ себя создаютъ все, создаютъ самостоятельно, почти безъ всякихъ пособій, кромѣ тѣхъ, которыя имъ даютъ ихъ умъ и великій инстинктъ ихъ художественнаго творчества. Онъ былъ геній той же природы и того же закала, какъ величайшіе геніи другихъ временъ и другихъ націй, геній, если, быть можетъ, по плодовитости творчества и не равный имъ, то одинаковый по внутренней сущности. Въ его пониманіи своего писательскаго призванія сказывается та же, если такъ можно выразиться, религіозность, какую замѣчаемъ у писателей отдаленныхъ эпохъ, въ родѣ, напримѣръ, великаго автора Донъ-Кихота. Гоголь понималъ свое писательское призваніе нѣсколько мистически—это черта, которою онъ рѣзко отличается отъ другихъ нашихъ писателей. Онъ совершенно ясно высказывался въ томъ смыслѣ, что писалъ ради спасенія своей души, какъ нѣкогда святыя совершали подвижничество. Надъ его задушевными признаніями объ этомъ критика, даже сочувственная ему, издѣвалась и глумилась: она не могла понять правды и глубины этихъ признаній и заподозрила его въ высококомѣрномъ самообожаніи и ханжескомъ притворствѣ, дошедшемъ въ концѣ концовъ до психоза. А между тѣмъ, съ его сто-

роны не было ничего искреннѣе этихъ признаній. Вся внутренняя трагедія его жизни и писательской дѣятельности заключалась, быть можетъ, именно въ томъ, что онъ, въ концѣ концовъ, невольно созналъ недостаточность своихъ творческихъ и душевныхъ силъ для подобнаго религіознаго служенія на писательскомъ поприщѣ, и это сознание надломило его душу и убило раньше срока этого человѣка, который какъ будто опоздалъ родиться нѣсколькими вѣками и пришелся «не къ двору» нашему времени, вообще неудобному для людей съ поднятымъ душевнымъ строемъ, для жрецовъ и пророковъ, на какомъ бы поприщѣ ни проявлялись эти жрецы и пророки.

Что именно религіозное отношеніе къ своему творчеству и мистическое сознаніе своего художническаго назначенія, развившееся подъ конецъ жизни Гоголя въ болѣзненную манію, было главнѣйшею и ближайшею причиной его смерти — объ этомъ имѣется замѣчательное мнѣніе доктора А. Т—ва, одного изъ близкихъ ему людей, лечившаго его не задолго передъ смертью и присутствовавшего при немъ въ послѣдніе дни его жизни. Вотъ это мнѣніе, высказанное серьезнымъ и умнымъ наблюдателемъ вскорѣ послѣ кончины великаго художника:

«Духовный элементъ, кажется, былъ преобладающею причиною его безпокойства, потрясеній, и могъ вызвать тѣлесныя страданія. И задолго передъ смертью одни тревожныя положенія, въ ко-

торыхъ онъ нерѣдко находился, производили въ немъ такія тяжкія и невыносимыя болѣзненные состоянія, что *повѣситься или утопиться ему казалось какъ бы похощимъ на какое либо лекарство* (въ 1846 году)... Самая дѣятельность, въ которой онъ полагалъ свое призваніе, задачу жизни, дѣятельность, безъ которой онъ не считалъ и жизни за жизнь (*не работается — не живется*), самое его творчество потрясло его здоровье: въ описаніяхъ житейской пошлости онъ весь переселялся въ описываемое и глубоко страдалъ, какъ бы живя на-время жизнью своихъ героевъ. Изучая все встрѣчающееся въ жизни, онъ ясно понималъ пошлое даже тамъ, гдѣ другіе его не видали, и скорбѣлъ о немъ. Но не удовольствовался онъ тѣмъ, что съ поразительно-глубокою художественностью воспроизводилъ жизнь въ образахъ; въ позднѣйшее время онъ навязалъ своему искусству цѣль внѣшнюю: сталъ домогаться разрѣшить глубокую задачу совершенствованія — представить лучшій порядокъ вещей, лучшую жизнь. Окруженный религіозными людьми и самъ всегда истинно-преданный религіи, въ послѣднее время онъ подвергся исключительному ея вліянію и окончательно убѣдился, что оно одно разрѣшить и для другихъ, и для него всевозможныя задачи. Совершенствованіе, кажется, онъ началъ съ себя самого... Религіозная настроенность заняла все его существованіе: непрерывно помышляя о небесномъ, онъ пересталъ дорожить земнымъ и устремилъ все вниманіе на

себя, чтобы достойно приготовить себя къ будущей жизни достиженіемъ возможнаго совершенства... Тутъ онъ открылъ въ себѣ такіе недостатки, которые ему показались ужасными; самыя сочиненія его, столь любезныя ему и благотворно дѣйствовавшія на другихъ, показались ему недостаточными, незрѣлыми, вредными, грѣховными; онъ остался такъ недоволенъ собою, что рѣшился переломить свою натуру. Высшая христіанская добродѣтель—смиреніе перешла границы: вмѣсто того, чтобы возвысить душу, она умертвила тѣло». («Послѣдніе дни жизни Н. В. Гоголя». Ст. А. Т—ва. «Отеч. Зап.» 1856 года. Декабрь).

III.

Личный характеръ Гоголя, и при жизни, и послѣ смерти великаго писателя, подвергался разнымъ осужденіямъ и нареканіямъ, иногда очень неблагопріятнымъ, порою даже гнуснымъ. Эти осужденія и нареканія исходили не только отъ людей толпы или отъ тѣхъ, задѣтыхъ сатирою художника лицъ, прототипы которыхъ онъ выставилъ на общій позоръ въ Сквозникахъ-Дмухановскихъ, Хлестаковыхъ, Чичиковыхъ, Собакевичихъ, Ноздревыхъ и т. д. Нареканія и осужденія, истекавшія изъ такихъ мутныхъ источниковъ, были бы вполне понятны и свидѣтельствовали бы единственно о томъ, что нравственная личность Гоголя своею

высотой колола глаза людей толпы и возбуждала клеветы въ тупой и возмутительной средѣ, заклеивенной гениальнымъ смѣхомъ его сатиры. Подобныя осужденія, нареканія и клеветы, какъ извѣстно, всегда сопровождаютъ писателя и вообще общественнаго дѣятеля, возвышающагося надъ своими современниками; они—неизбѣжный удѣлъ того,

Чей благородный гений
 Сталь обличителемъ толпы,
 Ея страстей и заблуждений.

На пути каждаго, обладающаго «благороднымъ гениемъ» учителя и апостола правды, подобнаго рода нареканія, осужденія и клеветы, безъ сомнѣнія, являются колючими терніями, заставляющими его иногда сильно страдать и даже временно отчаяваться въ своей дѣятельности, падать духомъ, понижать энергію своихъ стремленій въ работѣ на общую пользу, на пользу того народа, представителемъ высокихъ сторонъ духа котораго онъ является. Гоголь, какъ и многіе гениальные таланты, испытывалъ боль отъ этихъ терній, чему прочувствованное и краснорѣчивое свидѣтельство можно найти въ его письмахъ. Укажу для примѣра хотя бы на общеизвѣстныя письма къ Щепкину и Пушкину, писанныя послѣ представленія «Ревизора», письма, въ которыхъ слышится такой искренній крикъ сердечной боли художника, встрѣтившаго обычную плату—неблагодарность близорукой толпы, раздраженной подстановкою зеркала для ея «кривой рожи». Но страданія, наносимыя толпою за слу-

женіе правдѣ и изобличеніе зла, не особенно тяжки для «благородныхъ геніевъ»: они находятъ себѣ утѣшеніе въ высококомъ сознаніи своей нравственной силы, своего призванія. Опять-таки общеизвѣстный примѣръ подобнаго утѣшенія можно указать у Гоголя въ прекрасномъ и искреннемъ лирическомъ монологѣ писателя, заключающемъ его удивительную, и до сихъ поръ, кажется, еще недостаточно оцѣненную, пьесу «Разъѣздъ».

Повторяю: еслибы осужденія личнаго характера Гоголя истекали изъ указанныхъ мутныхъ источниковъ, не стоило бы останавливаться на этомъ обычномъ явленіи, не стоило бы разсматривать вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ эти осужденія соотвѣтствовали дѣйствительнымъ нравственнымъ качествамъ великаго художника. Но по отношенію къ Гоголю дѣло стоитъ нѣсколько иначе: о фальшивости и низменности его характера при его жизни и послѣ его смерти поднимались толки не въ одной недовольной и раздраженной его сатирой средѣ; они исходили не отъ однихъ дрянныхъ и тупыхъ людюшекъ толпы, но и отъ людей, глубоко уважавшихъ Гоголя, какъ писателя-художника, отъ людей, ставившихъ его писательское значеніе на недосыгаемую высоту. Довольно сказать, что однимъ изъ такихъ людей былъ, напримѣръ, Бѣлинскій, искреннѣйшій изъ искреннихъ энтузіастовъ всякой геніальности и человѣкъ высокихъ нравственныхъ требованій. Нельзя безъ особеннаго ощущенія боли читать тѣ упреки Гоголю въ душевной низости,

которые скорый на осужденія критикъ бросилъ въ письмѣ по поводу «Переписки»; и эта боль усиливается еще въ высшей степени, когда прослѣдимъ трогательныя оправданія Гоголя, сохранившіяся въ оставшихся клочкахъ возраженія автора «Переписки» на обвинительный крикъ Бѣлинскаго. Бѣлинскій, признавая книгу Гоголя «гнусной», не стѣснился въ то же время признать гнуснымъ въ нравственномъ отношеніи и ея автора. Въ одномъ письмѣ къ Боткину онъ прямо приписываетъ Гоголю подлость — слово, ужасное въ примѣненіи къ такой выдающейся личности, какою былъ творецъ «Мертвыхъ Душъ». «Терпимость къ заблужденію — пишетъ критикъ съ свойственной ему прямою — я еще понимаю и цѣню, по крайней мѣрѣ въ другихъ, если не въ себѣ, но терпимости къ *подлости* я не терплю. Ты рѣшительно не понялъ этой книги («Переписка»), если видишь въ ней *только* заблужденіе. Гоголь — совсѣмъ не К. С. Аксаковъ. Это — Талейранъ, кардиналъ Фешъ, который *всю жизнь обманывалъ Бога, а при смерти надулъ сатану*». Вотъ взглядъ на нравственную личность великаго художника поистинѣ возмутительный; тѣмъ не менѣе, этотъ взглядъ, какъ извѣстно, если и не въ такой рѣзкой формѣ, то, во всякомъ случаѣ, достаточно ясно высказанъ Бѣлинскимъ и въ извѣстномъ его письмѣ къ Гоголю, писанномъ въ 1847 г. изъ-за границы и въ свое время получившемъ такое обширное распространеніе въ множествѣ ру-

кописныхъ копій. Признаніе великаго художника — лукавымъ лицемѣромъ, фарисеемъ и даже прямо-таки подлецомъ, который, ради достиженія практическихъ цѣлей, ради стяжанія земныхъ благъ, написалъ какъ бы кодексъ для укорененія деспотизма и мрака, явилъ російскій макиавелизмъ въ томъ гнусномъ толкованіи, какое у насъ обыкновенно соединяется съ этимъ словомъ — не самое ли это тяжкое обвиненіе, какое только можно бросить въ человѣка? Насколько книга Гоголя, такъ возмутившая Бѣлинскаго и прочихъ либераловъ его времени, была подлымъ поступкомъ — этотъ вопросъ оставимъ въ сторонѣ, ибо дѣло теперь собственно не въ немъ, а въ томъ, что Бѣлинскій и многіе люди его партіи, считавшіеся честными русскими людьми и дѣйствительно бывшіе честными, не обинуясь взводили на Гоголя страшное обвиненіе въ лицемѣрїи и лукавствѣ, въ низости душевной. Убѣжденіе ихъ въ этомъ было такъ настойчиво, что наиболѣе увлекающійся изъ такихъ честныхъ людей, Бѣлинскій, не побоялся высказать Гоголю въ лицо свое воззрѣніе на его характеръ, конечно, въ твердомъ сознаніи, что онъ, Бѣлинскій, совершаетъ съ своей стороны нѣкоторый нравственный подвигъ, необходимый не только для образумленія Гоголя, но даже и въ болѣе широкомъ смыслѣ, необходимый для торжества правды надъ притворствомъ и лицемѣріемъ, соединившимися такъ противоестественно, такъ чудовищно въ геніальномъ художникѣ съ великимъ творческимъ талантомъ. Ка-

кой ударъ былъ для Гоголя это обвиненіе въ низости и лживости душевной, исходящее отъ честныхъ людей, какія нравственныя страданія долженъ онъ былъ возбудить въ немъ, — объ этомъ даетъ нѣкоторое понятіе его возраженіе на прокурорскій крикъ Бѣлинскаго, сохранившееся въ необработанномъ отрывкѣ и тѣмъ болѣе характерное въ своей искренности. Если запальчивое, раздражительное обвиненіе въ письмѣ критика теперь, по прошествіи столькихъ лѣтъ, производитъ впечатлѣніе болѣзненное, почти дѣлающее невозможнымъ объясненіе того, какъ можно было столь жестоко и опрощливо клеймить такую высокую личность, какая проявляется въ сочиненіяхъ Гоголя, то возраженіе послѣдняго вызываетъ чувство еще болѣе болѣзненное: своею трогательностью оно невольно возбуждаетъ жалость за человѣка, которому наносили такія жестокія раны. Какъ въ самомъ дѣлѣ смиренно и трогательно отстаиваетъ Гоголь тотъ фактъ, что онъ издалъ свою «Переписку», повинувшись «честному движенію», чего не хотѣли признать его обвинители. «Своекорыстныхъ цѣлей—прибавляетъ онъ—я и прежде не имѣлъ, когда меня еще нѣсколько занимали соблазны міра, а тѣмъ болѣе теперь, когда мнѣ пора подумать о смерти... Ничего не хотѣлъ я ею (т. е. книгою, возмутившей его обвинителей) выпрашивать. *Это не въ моей натурѣ. Слава Богу, я возлюбилъ свою бѣдность и не промѣняю ее на тѣ блага, которыя вамъ кажутся такъ обольстительными.*

Вспомнили бы, по крайней мѣрѣ, что у меня *нѣтъ* даже *ула*, и я стараюсь о томъ, какъ бы еще облегчить мой небольшой походный чемоданъ, чтобы легче было *разставаться съ міромъ*. Стало быть, вамъ бы слѣдовало поудержаться клеймить меня тѣми обидными подозрѣніями, которыми, признаюсь, я бы не имѣлъ духа запятнать послѣдняго мерзавца... Да, слѣдовало бы удержаться... но, повторяю, отъ нанесенія этой раны гениальному художнику не удержались, подъ вліяніемъ узкихъ партійныхъ увлеченій, даже лучшіе изъ его современниковъ; въ этомъ отношеніи они, считавшіе себя друзьями его генія, терзали и мучили его не менѣе людей толпы, мстившихъ ему за сатирическія изобличенія всей ихъ пошлости. Къ мелкимъ уколамъ терній, обычныхъ на пути дѣятельности каждой высшей природы, прибавились еще и глубокіе уколы терній, уже, такъ сказать, экстренныхъ, сверхкомплектныхъ. У насъ, впрочемъ, это было такъ почти со всѣми нашими великими художниками и дѣятелями и продолжается даже и до сихъ дней, чему примѣромъ можетъ служить покойный Достоевскій, точно такъ же, какъ и Гоголь, оплеванной журнальной критикою за недостоинства будто бы его личнаго характера. Печальная черта, свидѣтельствующая о томъ, что въ сущности даже такъ называемые наши «лучшіе интеллигенты» не отрѣшились отъ низкой склонности къ подведенію избранныхъ людей подъ уро-

вень посредственности, которая одна по мѣткому
выраженію поэта,

Намъ по плечу и не страшна...

IV.

Теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ со смерти великаго художника, невольно удивляешься, какимъ образомъ этотъ искреннѣйшій и благороднѣйшій идеалистъ въ лучшемъ смыслѣ слова могъ подвергаться подозрѣніямъ въ фальшивости, въ лицемеріи, въ изменности личныхъ стремленій. Прослѣдите тѣ матеріалы для біографіи Гоголя, которыхъ, правда, собрано еще не особенно много, но все таки достаточно, прослѣдите его письма, прослѣдите его сочиненія, въ жизни писателя тоже составляющія его *поступки*, и вы должны придти къ несомнѣнному сознанію, что это былъ человѣкъ высшей природы, избранный человѣкъ, человѣкъ не отъ міра сего. Онъ съ раннихъ лѣтъ инстинктивно еще чувствовалъ свое высокое призваніе и инстинктивно стремился къ нему всѣми силами своей души. Онъ въ расцвѣтѣ своей юности, когда cadaго человѣка манятъ житейскія блага и увлеченія страстей, посвятилъ себя по преимуществу на дѣло художческаго творчества, онъ могъ сказать смѣло про себя вмѣстѣ съ однимъ изъ позднѣйшихъ воспитанниковъ той литературной школы, которую создалъ:

Праздникъ жизни, молодости годы
Я убилъ подъ тяжестью труда¹⁾.

Онъ въ годы мужества въ своемъ стремленіи къ служенію творческому искусству дошелъ почти до отреченія отъ міра и его помыслы и силы были направлены къ тому, чтобы создать величайшее изъ его литературныхъ произведеній въ возможно совершенномъ видѣ, чтобы развить свое творчество до той глубины и силы, какая была необходима для созданія его геніальной поэмы. Онъ, наконецъ, еще не переступивъ упомянутые годы въ пламенной и сосредоточенной работѣ надъ самоусовершенствованіемъ, казавшимся ему необходимымъ для служенія своему писательскому призванію, дошелъ до настоящаго аскетизма, до мистической идеи умерщвленія личныхъ желаній и страстей въ пользу душевнаго дѣла, которое онъ считалъ святымъ; и въ концѣ концовъ онъ преждевременно убилъ себя въ увлеченіи этой идеей, дошедшемъ до маніачества. Пусть мнѣ укажутъ въ какой угодно литературѣ другого генія, у котораго личная жизнь сливалась бы такъ полно съ дѣломъ его творчества и обнаруживалось бы такое святое, подвижническое разумѣніе этого дѣла.

¹⁾ Съ 1831 по 1835 г., т. е. въ возрастѣ отъ 22 до 25 лѣтъ Гоголь создалъ «Вечера на хуторѣ», геніальную эпопею «Тарасъ Бульба» геніальныя свои повѣсти и драматическія пьесы, наконецъ «Ревизора». Какой упорный и огромный трудъ нужно было положить для созданія подобныхъ вещей въ столь юные годы!

Я не говорю уже о литературных дѣятеляхъ нашего вѣка: тутъ нечего и искать примѣровъ, особенно на иностранной почвѣ; но и въ прежнія, наиболѣе цвѣтушія и выразительныя литературныя эпохи, когда служеніе художеству понималось болѣе непосредственно и искренно, едва ли можно отыскать писателя съ такой наивной и вмѣстѣ глубокой вѣрой въ ту великую истину, что призваніе писателя заключается въ спасеніи своей души и въ просвѣтленіи людскихъ душъ посредствомъ творчества. Подобную вѣру вы можете встрѣтить отнюдь не у художниковъ-творцовъ, а развѣ у проповѣдниковъ «божьяго слова». Но въ Гоголѣ именно и представляется необыкновенной чертой эта постоянная жажда, постоянное его стремленіе возвести свое художническое творчество до степени религіозной вѣры, до сосредоточенности религіознаго служенія...

Какъ и почему характеръ съ такимъ исключительнымъ, съ такимъ высокимъ строемъ могъ казаться фальшивымъ и низменнымъ въ глазахъ не только пошлыхъ людей, ненавидѣвшихъ сатирической бичъ писателя, но и въ глазахъ людей съ своей стороны проявлявшихъ черты хотя меньшей чѣмъ у Гоголя жажды правды, но все-таки любившихъ правду? Разрѣшеніе этой загадки надо искать въ людской привычкѣ судить избраннаго человѣка по его чисто внѣшнимъ поступкамъ и слабостямъ. Гоголь, разумѣется, не былъ чуждъ разныхъ мелкихъ слабостей и, кромѣ того, по ка-

кому-то странному капризу, очень не рѣдко свойственному геніальнымъ и избраннымъ натурамъ, любилъ скрывать въ глубинѣ души своей высокія стремленія и на глазахъ у людей проявляться совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ сущности. Современники видѣли, напримѣръ, что Гоголь, проповѣдовавшій христіанское смиреніе, дружить по преимуществу съ разными титулованными лицами аристократическаго происхожденія и потому не обинуясь заключали: стало быть, онъ лицемѣритъ и фарисействуетъ. И, однако, на какія же личныя цѣли употреблялъ эту дружбу Гоголь, и какъ держалъ себя онъ по отношенію къ титулованнымъ лицамъ? Всѣ тѣ земныя блага, которыхъ онъ добивался отъ своихъ аристократическихъ знакомыхъ и покровителей, сводятся на слѣдующее: благодаря своимъ аристократическимъ связямъ, онъ пристроилъ своихъ сестеръ, далъ бѣднымъ дѣвушкамъ возможность получить приличное воспитаніе и образованіе; благодаря своимъ аристократическимъ покровителямъ, онъ могъ поставить «Ревизора» на сценѣ и провести сквозь тогдашнюю строгую цензуру «Мертвыя Души»; наконецъ, благодаря своимъ аристократическимъ покровителямъ, онъ воспользовался небольшими денежными пособіями отъ императора Николая, помогшими ему совершить его великій литературный трудъ. Этимъ исчерпываются всѣ тѣ «великія и богатыя милости», какими онъ обязанъ сильнымъ міра сего. Большихъ милостей онъ не имѣлъ отъ нихъ, да и не доби-

вался. Но, быть можетъ, онъ въ сношеніяхъ съ своими аристократическими покровителями являлъ какое нибудь предосудительное подобострастіе? Быть можетъ, именно въ этомъ смыслѣ онъ высказывалъ качества лукаваго лицемѣра? Прочтите его письма къ разнымъ титулованнымъ лицамъ, прочтите нѣкоторыя подробности, оглашенные въ разныхъ воспоминаніяхъ о томъ, какъ онъ велъ себя съ этими лицами: вы не встрѣтите тутъ рѣшительно ничего, въ чемъ бы выразилась склонность Гоголя къ униженію своего достоинства, какъ чловѣка и писателя; скорѣй наоборотъ, вы встрѣтите много такого, что говоритъ о благородной гордости, прямотѣ характера и нѣкоторой щекотливости геніальнаго автора, сознававшего свое исключительное значеніе. Въ результатѣ вообще выходитъ, что дружескія сношенія Гоголя съ аристократическими лицами были чужды личныхъ, практическихъ цѣлей; его дружба съ лицами такъ называемаго высшаго общества, въ большинствѣ принадлежавшими къ людямъ хорошаго образованія, устанавливалась, вѣроятно, вслѣдствіе невольнаго признанія ими высокаго ума, дарованія и характера въ великомъ писателѣ. По внѣшности, конечно, многимъ современникамъ Гоголя могло казаться страннымъ, что онъ какъ будто бы заискиваетъ въ высшемъ обществѣ ради практическихъ, карьерныхъ видовъ; но на самомъ дѣлѣ было не такъ: Гоголь ничего не искалъ, — ни свѣтскихъ успѣховъ, ни чиновъ, ни выгодныхъ мѣстъ,

ни богатства; имѣя «высокихъ покровителей», онъ предпочиталъ всякимъ отличіямъ и благамъ скромную, труженическую долю писателя, въ началѣ довольствовавшагося очень малыми средствами и въ послѣдствіи доведшаго свои требованія до возможнаго минимума...

Я привожу этотъ примѣръ, какъ наиболѣе характерный, наиболѣе выказывающій намъ, какимъ образомъ по наружнымъ отношеніямъ гениальнаго человѣка составляются ложныя заключенія о его личности. Отношенія Гоголя къ аристократическимъ особамъ обыкновенно выставались упрекомъ художнику и на этой нотѣ разные «честные» господа любили играть точно такъ же, какъ на мнимой приверженности Пушкина къ камеръ-юнкерскому мундиру, изъ-за которой онъ будто бы поступился независимыми убѣжденіями своей юности. Въ сущности говоря, не стоило бы и останавливаться на такихъ упрекахъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго значенія, въ виду несомнѣнныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о высокомъ душевномъ идеализмѣ Гоголя, руководившемъ его въ жизни съ ранней молодости и дошедшемъ подъ конецъ до степени, граничащей съ самоотреченіемъ и аскетизмомъ. Можно ли въ самомъ дѣлѣ теперь, когда пристрастная близорукость современниковъ не затемняетъ возрѣнія на личность гениальнаго писателя, можно ли теперь признать въ его характерѣ ту изменность и фальшивость, въ какой заподозривалъ его даже столь чистый

человѣкъ, какъ Бѣлинскій. Гоголь — откинувъ его мелкіе внѣшніе недостатки и слабости — по натурѣ былъ однимъ изъ самыхъ удивительнѣйшихъ идеалистовъ. Онъ служилъ идеѣ своего писательскаго призванія съ искренностью и честностью, которыя могутъ вызывать только поученіе для потомства. Его жизнь, можетъ и должна быть примѣромъ для каждаго писателя. Я не нахожу ничего лучше сдѣлать, какъ привести здѣсь мнѣніе о Гоголѣ человѣкѣ, высказанное въ книгѣ его лучшаго и покуда едва ли не единственнаго біографа, книгѣ, изданной почти тридцать лѣтъ тому назадъ и, какъ многое у насъ, теперь забытой. Вотъ что говорится въ этой книгѣ: «Гоголя не могло удовлетворить развитіе въ себѣ одного художественнаго таланта, что для многихъ геніевъ служить конечною цѣлью ихъ всѣхъ стремленій. Въ его натурѣ заключена была особенная тоска по иной жизни, никогда не дававшая ему успокоиться надолго. Эту тоску онъ чувствовалъ, не зная ея имени, уже въ четырехъ-лѣтнемъ возрастѣ, и она же томила его душу потомъ, въ минуты величайшихъ художественныхъ созерцаній. Изъ этихъ двухъ началъ — ясновидѣнія земной жизни и стремленія къ жизни лучшей — развивается вся исторія существованія Гоголя. Здѣсь скрывается причина задачъ, на разрѣшеніе которыхъ онъ потратилъ лучшіе свои годы, годы успѣховъ литературныхъ, годы любви и дружбы. И чѣмъ выше становился взглядъ его на искусство,

тѣмъ строже былъ онъ къ себѣ, какъ къ чело-
вѣку; ибо искусство было для него только сред-
ствомъ къ устремленію ближняго туда, куда онъ
самъ стремился. Потому-то онъ часто, сознавая
всю силу своего таланта, оставлялъ подолго его
въ бездѣйствіи и, вмѣсто творческой работы, вос-
питывалъ свою душу въ любви и разумѣ хриси-
анскомъ. Никто не подозрѣвалъ, съ какого юнаго
возраста пробудилось въ немъ сознание высшаго
его назначенія. Въ своей «Авторской исповѣди»
онъ говорилъ, что «задумываться о будущемъ онъ
началъ рано,—въ ту пору, когда всѣ его сверст-
ники думали еще объ играхъ»,—и ему «всегда ка-
залось, что его ожидаетъ просторный кругъ дѣй-
ствій и что онъ сдѣлаетъ что-то для общаго добра».
Въ бесѣдахъ со своею матерью, еще задолго до пе-
реѣзда въ Петербургъ, онъ объявилъ ей однажды,
что «не будетъ жить для себя, а для страдаю-
щихъ ближнихъ, и если его удостоитъ Богъ быть
полезнымъ своему отечеству, то почтетъ себя сча-
стливѣйшимъ человѣкомъ; но если вообразить, что,
можетъ быть, не допустятъ его къ тому обстоя-
тельства, то чувствуетъ, что холодный потъ вы-
ступаетъ у него на лбу». Конечно, не одинъ Го-
голь имѣлъ въ отрочествѣ такіе страстные порывы
къ добру и благу ближняго, но многіе ли оста-
лись вѣрны имъ до конца? Въ то время, когда въ
Петербургѣ никто еще его не зналъ и ему пред-
стояло пробивать себѣ дорогу въ жизни собствен-
ными, неиспытанными еще силами, онъ отказался

въ пользу своего семейства отъ наслѣдственнаго имѣнія. «Я сдѣлалъ все, что могъ (для сестеръ), писалъ онъ къ друзьямъ своимъ въ 1843 году, отвѣчая на упрекъ одного изъ нихъ: я отдалъ имъ свою половину имѣнія, сто душъ, и отдалъ, будучи самъ нищимъ и не получая достаточнаго для собственнаго пропитанья. Наконецъ, я одѣвалъ и платилъ за сестеръ, и это дѣлалъ не отъ доходовъ и излишества, а занимая, и надѣлавъ долговъ, которые долженъ уплачивать». Въ томъ же письмѣ онъ говоритъ, что уже давно все его состояніе заключается въ «крохотномъ чемоданѣ и четырехъ парахъ бѣлья». Утверждая далѣе, что вся переписка Гоголя служитъ подтвержденіемъ его словъ о томъ, что онъ «возлюбилъ свою бѣдность» и что его душа мало склонялась къ земному, біографъ великаго художника заключаетъ такимъ образомъ: «Человѣкъ въ Гоголѣ былъ выше всего и дѣйствіе его, какъ человѣка, на общество — когда онъ объяснится весь, когда онъ дастъ себя почувствовать каждому свѣжему сердцу — будетъ, можетъ быть, несравненно важнѣе по своимъ послѣдствіямъ, нежели дѣйствія его литературныхъ произведеній» ¹⁾. Съ послѣднимъ выводомъ, конечно, нельзя согласиться: біографъ тутъ впадаетъ въ нѣкоторое увлеченіе героемъ своего труда; но мнѣніе біографа о высокомъ характерѣ Гоголя и о поучительности примѣра его

¹⁾ «Записки о жизни Н. В. Гоголя», т. I, стр. 339.

жизни, руководившейся главнымъ образомъ идеей душевнаго самоусовершенствованія для принесенія блага ближнимъ—это мнѣніе остается глубоко справедливымъ.

V.

Если критика, доброжелательная къ Гоголю, какъ художнику, выражала сомнѣніе въ чистотѣ и возвышенности его личнаго характера, то еще болѣе рѣшительно она утверждала, что Гоголь былъ человѣкъ мало образованный, что онъ, будучи необычайно сильнымъ въ художественномъ творествѣ, оставался тѣмъ не менѣе всю жизнь на слабой степени теоретическаго умственнаго развитія, что онъ едва ли самъ разумѣлъ всю глубину тѣхъ общественныхъ явленій, которыя онъ отражалъ въ своихъ созданіяхъ, и тѣхъ «проклятыхъ вопросовъ», которые онъ задѣвалъ въ нихъ. Заявляя о малой «теоретической» подготовкѣ и недостаточномъ «теоретическомъ» развитіи Гоголя, критика, не обинуясь, признавала, что онъ въ этомъ отношеніи былъ вполне отсталымъ отъ своего времени человѣкомъ, что его «знанія были случайны и отрывочны», что его «теоретическія понятія не шли дальше обиходнаго консерватизма¹⁾», что его

¹⁾ Эти и послѣдующія фразы и цитаты, означенныя ковычками, взяты изъ книги г. Пыпина «Характеристики литературныхъ мнѣній».

«общественные» идеалы были крайне наивны и что въ своемъ общемъ взглядѣ на жизнь онъ не поднимался выше банальной «точки зрѣнія старинныхъ моралистовъ». Бѣлинскій еще при жизни Гоголя высказался въ этомъ смыслѣ о слабомъ теоретическомъ развитіи великаго художника, высказался если не печатно, то въ частномъ письмѣ къ Гоголю по поводу «Переписки». Позднѣйшая критика либеральнаго лагеря усвоила мнѣніе Бѣлинскаго, развила его и старалась установить въ сознаниі публики, какъ нѣчто не подлежащее спору, нѣчто вполнѣ очевидное. «Теоретическое» развитіе самого Бѣлинскаго и его «друзей» критика шестидесятыхъ годовъ признала неизмѣримо высшимъ и глубокимъ, несравненно прогрессивнѣйшимъ, чѣмъ теоретическое развитіе Гоголя и «друзей» создателя «Мертвыхъ Душъ». По толкованію упомянутой критики, Бѣлинскій, видите ли, воспиталъ свои воззрѣнія на либеральныхъ идеяхъ, подсказанныхъ ему его «друзьями», принадлежавшими къ прогрессивному кружку; Гоголь же, наоборотъ, воспитывался на идеяхъ консервативныхъ, подсказанныхъ ему его «друзьями», принадлежавшими къ кружку отсталому, именно къ такъ называемому пушкинскому кружку.

Вліяніе пушкинскаго кружка, по мнѣнію либеральной критики шестидесятыхъ годовъ, не могло отозваться на Гоголѣ благотворно, не могло сообщить ему надлежащей «новизны», ширины и глубины взгляда и на общественно-политическіе

вопросы, и на искусство, и на писательское призваніе. Наоборотъ: это вліяніе зародило въ немъ узкій консерватизмъ, устарѣлыя и банальныя воззрѣнія, моральныя, общественныя и политическія, которыя впослѣдствіи, при попыткѣ Гоголя формулировать ихъ, совершенно сбили его съ толку и приняли даже предосудительный характеръ, перешли въ явный обскурантизмъ. Все это произошло, будто бы, очень естественно и объясняется критикою необыкновенно резонабельно. Дѣло, изволите видѣть, было такъ. Гоголь попалъ въ пушкинскій кружокъ, какъ извѣстно, совсѣмъ юношей, съ развитіемъ весьма слабымъ, съ образованіемъ болѣе чѣмъ неполнымъ. Онъ необходимо долженъ былъ подчиниться воззрѣніямъ людей кружка. А какіе это были люди? О, въ идейномъ отношеніи совсѣмъ, совсѣмъ незамѣчательные, увѣряетъ не смущаясь критика. «По своимъ теоріямъ и по общественному положенію», люди пушкинскаго кружка «все больше и больше удалялись отъ того положенія, для котораго требовалось «мужество» (тутъ разумѣется, конечно, такъ называемое «гражданское мужество»); ихъ литературное содержаніе ограничивалось только совершенно безобидными и слѣдовательно безразличными вещами, — поклоненіе «поэтическому» становилось изящнымъ развлеченіемъ, которое никакъ не должно было смущать ихъ спокойствіе. Литература, которую могъ поддерживать этотъ кругъ, могла быть только литература, отвѣчающая ихъ идеаль-

но-романтическому настроенію и ихъ общественному положенію. Можно себѣ представить, что такое условіе дѣлало объемъ этой литературы не очень широкимъ». Таковъ, по объясненію критики, былъ общій характеръ пушкинскаго кружка. А отдѣльныя, выдающіяся его личности — каковы онѣ были? Конечно, они были люди даровитые, но совсѣмъ не понимавшіе «новаго» духа тогдашняго времени и далеко отставшіе въ этомъ отношеніи отъ Бѣлинскаго и его «друзей». Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите кто эти личности. Во-первыхъ, Пушкинъ. Крупный поэтъ, что говорить; но въ періодъ, когда Гоголь попалъ въ его кружокъ, Пушкинъ ужъ, подобно грибоѣдовскому Платону Михайловичу, могъ про себя сказать только одно: «теперь ужъ я не тотъ». Идеи его въ этотъ періодъ далеко отстали отъ «независимыхъ» и «оппозиціонныхъ» идей его молодости, выразившихся въ злыхъ эпиграммахъ «на правительство», въ «Гавриліадѣ», въ «Одѣ на свободу» и понизились до того, что онъ дошелъ до стансовъ «Въ надеждѣ славы и добра», оды «Бородинская годовщина», и религіозно-мистическаго отрывка «Однажды странствуя въ пустынѣ дикой», наконецъ до «Полтавы» и «Мѣднаго всадника», до «Скупого рыцаря» и «Каменнаго гостя», до «Капитанской дочки» и «Лѣтописи села Горохина». Очевидно, совсѣмъ отсталымъ сдѣлался въ это время Пушкинъ, какъ поэтъ. Что касается до того, какимъ онъ былъ въ эту эпоху, какъ гражданинъ и че-

ловѣкъ, то ужь одно ношеніе камеръ-юнкерскаго мундира свидѣтельствуесть слишкомъ ярко о паденіи его гражданскаго мужества и объ ослабленіи въ немъ человѣческаго достоинства. Затѣмъ, кромѣ Пушкина, на Гоголя имѣлъ большое вліяніе еще Жуковскій. Тоже не важный по своему развитію и образованію, хотя и добрѣйшей души человѣкъ. Затѣмъ Плетневъ — милый и благодушный эстетикъ, имѣвшій прекрасное сердце и кой-какія заслуги въ критикѣ, но, къ сожалѣнію, неспособный на роль «бойца» въ литературѣ, потому что отъ журнальных битвъ его удаляло «положеніе въ обществѣ, связи съ дворомъ». О другихъ членахъ нечего ужь и говорить: они были «нѣкогда остроумцы и *esprits forts*, но теперь (т. е. въ періодъ, когда Гоголь подпалъ ихъ вліянію) и остроуміе, и бывшій либерализмъ уже выдыхались и замѣнялись житейскимъ благоразуміемъ и успокоеніемъ на лаврахъ. Въ своемъ кружкѣ подобные люди еще ходили со своей старой репутаціей; внѣ кружка они уже переставали быть литературной силой». Чтобы пояснить, о какихъ остроумцахъ тутъ идетъ рѣчь, слѣдуетъ упомянуть П. А. Вяземскаго, о которомъ Бѣлинскій выразился въ письмѣ къ Гоголю, что этотъ членъ пушкинскаго кружка «князь въ аристократіи и холопъ въ литературѣ». Однимъ словомъ, по мнѣнію критики шестидесятыхъ годовъ, всѣ «друзья Пушкина, ставшіе друзьями и покровителями Гоголя, были люди довольно высокопоставленные, вполне или

отчасти придворные. Литературные интересы принимали въ этихъ условіяхъ совсѣмъ особый характеръ; онъ сообщился вскорѣ и Гоголю. При Пушкинѣ, — это (?) начиналось враждою къ Полевому, къ Надеждину, въ сороковыхъ годахъ это (?) окончилось — враждою къ Бѣлинскому и всѣмъ писателямъ его направленія».

Итакъ, видите, вліянію какого отсталого и нелиберальнаго кружка подпаль Гоголь почти двадцатилѣтнимъ юношей. Могъ ли онъ извлечь изъ соприкосновенія съ такими людьми, какъ Пушкинъ, Жуковскій, Плетневъ, Вяземскій, какія либо широкія и «новыя» идеи, могъ ли онъ тутъ научиться настоящему «критическому» отношенію къ современной ему русской дѣйствительности, могъ ли вдохнуть въ себя то «гражданское мужество» и тѣ стремленія къ роли литературнаго «бойца», какими одушевлялись Полевой и Надеждинъ, а потомъ за ними Бѣлинскій? Ни подъ какимъ видомъ не могъ онъ воспринять широкихъ и новыхъ идей, ни подъ какимъ видомъ не могъ онъ воспринять гражданскаго мужества, критическаго отношенія къ дѣйствительности и тому подобныхъ необходимыхъ качествъ высокоразвитога писателя-гражданина. Онъ воспринялъ отъ Пушкина и его друзей только дурныя качества: безразличное отношеніе къ общественнымъ интересамъ, пренебреженіе нравственно-общественныхъ задачъ въ искусствѣ и служеніе лишь чисто эстетическимъ задачамъ, узкій формальный консерва-

тизмъ, даже обскурантизмъ, даже «лицемѣріе, подведеніе интересовъ литературы подъ личные посторонніе расчеты» и т. д. Въ немъ, подъ вліяніемъ пушкинскаго кружка созрѣло и возросло только непониманіе истиннаго смысла своихъ созданій, непониманіе, перешедшее позднѣе въ нелѣбое, извращенное толкованіе этого смысла въ направленіи совсѣмъ уже неблаговидномъ...

Такъ говоритъ намъ критика шестидесятихъ годовъ съ полнымъ убѣжденіемъ, съ крѣпкою вѣрою въ правоту такого мнѣнія. И, однако, что же мы видимъ на дѣлѣ? — что говорятъ намъ факты, если посмотрѣть на нихъ просто и прямо, отрѣшаясь отъ шаблонныхъ либеральныхъ оцѣнокъ литературныхъ дѣятелей той эпохи, о которой идетъ рѣчь. Факты намъ говорятъ вотъ что: юноша Гоголь, обратившій на себя вниманіе Пушкина и его кружка своими талантливими «Вечерами на хуторѣ», сойдясь съ этимъ кружкомъ, подчинившись его вредному и антипрогрессивному вліянію, въ короткое время преобразуется изъ начинающаго литературнаго жанриста въ сформировавшагося, глубокаго реалистическаго художника, въ короткое время создаетъ рядъ произведеній, въ которыхъ проявляетъ геніальное пониманіе здравыхъ и истинно новыхъ началъ искусства, создаетъ рядъ произведеній, въ которыхъ «общественный интересъ» полно и органически сливается съ художественностью, въ которыхъ «критическое отношеніе къ дѣйствительности» высту-

паеть самымъ яркимъ, самымъ существеннымъ элементомъ, хотя въ то же время не переходитъ границы спокойнаго эстетическаго творчества. Факты намъ говорятъ вотъ еще что: отсталый или безразличный къ «общественному интересу» Пушкинъ даетъ юношѣ Гоголю сатирическіе сюжеты «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ», объясняетъ ему въ чемъ заключается главный, основной нервъ его литературнаго таланта, убѣждаетъ его приняться за «большое сочиненіе», приводя въ примѣръ Сервантеса, однимъ словомъ, какъ уже сформировавшійся геній, становится истиннымъ путеводителемъ генія еще возникающаго и заботливо выводитъ его на широкую дорогу. На ряду съ Пушкинымъ, Жуковскій устремляетъ всю свою душевную доброту на нравственную и матеріальную поддержку юноши Гоголя и тщательно руководитъ его художественный вкусъ вмѣстѣ съ благдушнымъ эстетикомъ Плетневымъ. Что касается «князя въ аристократіи и холопа въ литературѣ», онъ заботится въ этомъ отношеніи не менѣе остальныхъ «друзей». И, какъ я уже сказалъ, результатъ вліянія отсталаго и сообщившаго вредное направленіе Гоголю пушкинскаго кружка выражается тѣмъ, что, вредно направляемый и отупляемый антипрогрессивными и антилиберальными идеями этого кружка, молодой человѣкъ, едва перешедшій возрастъ юности, является создателемъ «Шинели», «Тараса Бульбы», «Ревизора», «Театральнаго развѣзда», первыхъ главъ «Мертвыхъ душъ»

и основнаго плана, основной мысли великой поэмы! Поистинѣ малопродуктивное, поистинѣ достойное сожалѣнія вліяніе оказалъ на Гоголя при началѣ его развитія этотъ кружокъ людей, составлявшихъ «особую котерію», чуждую общаго широкаго теченія литературы, людей тяготѣвшихъ больше къ невинно-эстетическому препровожденію времени, къ придворнымъ и аристократическимъ интересамъ, которыми кружокъ жилъ гораздо болѣе, чѣмъ интересами общественными, интересами творчества. Вотъ ужъ, говоря словами Бобчинскаго, поистинѣ «непредвидѣнное дѣло, чрезвычайное происшествіе!»

VI.

Нѣтъ, что бы ни толковала съ точки зрѣнія ходячаго формальнаго либерализма критика шестидесятыхъ годовъ, а надо благодарить судьбу за то, что она помогла Гоголю на первыхъ же шагахъ его литературнаго поприща попасть въ пушкинскій кружокъ, найти себѣ такихъ высокоразвитыхъ и высокообразованныхъ руководителей, каковы были друзья Пушкина и, главнымъ образомъ, онъ самъ. Вообще говоря, когда критика шестидесятыхъ годовъ оцѣниваетъ умственное и творческое развитіе и значеніе Гоголя, она отчасти напоминаетъ своими разсужденіями извѣстнаго цѣнителя и судью басни, который, удивляясь пѣнію

соловья, выражалъ, однако же, сожалѣніе о томъ, зачѣмъ онъ не поучился у пѣтуха: тогда бы онъ «наострился» въ своемъ искусствѣ несравненно болѣе. Серьезно такъ. Критика эта восклицаетъ съ соболѣзнованіемъ: какая жалость, что Гоголь, такой глубокой и гениальной природный умъ, такой великій художественный талантъ воспитался на жалкихъ отсталыхъ понятіяхъ, воспринятыхъ имъ отъ людей отсталыхъ. Ему бы слѣдовало поучиться у разныхъ пѣтуховъ тогдашняго журнализма, а онъ предпочиталъ учиться у соловьевъ поэзіи, какъ Пушкинъ, Жуковский и др. Пушкинъ вообще къ пѣтухамъ былъ не очень-то расположенъ, цѣнилъ ихъ не высоко, точно такъ же къ пѣтухамъ относился и Гоголь; за это оба они, хотя гениальные, но совершенно легкомысленные художники, останутся навсегда повинными передъ судомъ либеральной критики!

Утвердившись разъ въ томъ мнѣніи, что Гоголь напрасно избѣгалъ выучки у пѣтуховъ современнаго ему журнализма, критика шестидесятихъ годовъ вотъ какимъ удивительнымъ образомъ характеризуетъ умственную неразвитость Гоголя: «Нѣтъ, кажется, никакого сомнѣнія, что до того времени, когда начало въ Гоголѣ развиваться такъ называемое аскетическое направленіе, онъ не имѣлъ случая пріобрѣсти ни твердыхъ убѣжденій, ни *опредѣленнаго образа мыслей.* Онъ былъ похожъ на большинство полуобразованныхъ людей, встречаемыхъ нами въ общество. Объ отдѣль-

ныхъ случаяхъ, о фактахъ, попадающихся имъ на глаза, судять они такъ, какъ велитъ имъ инстинктъ ихъ натуры. Такъ и Гоголь, отъ природы имѣвшій расположеніе къ болѣе серьезному взгляду на факты, нежели другіе писатели тогдашняго времени, написалъ «Ревизора», повинувшись единственно инстинктивному внушенію своей натуры: его поражало безобразіе фактовъ, и онъ выражалъ свое негодованіе противъ нихъ; о томъ, изъ какихъ источниковъ возникаютъ эти факты, какая связь находится между тою отраслью жизни, въ которой встрѣчаются эти факты, и другими отраслями умственной, нравственной, гражданской, государственной жизни онъ не размышлялъ много. Напримѣръ, конечно, рѣдко случалось ему думать о томъ, есть ли какая нибудь связь между взяточничествомъ и невѣжествомъ, есть ли какая нибудь связь между невѣжествомъ и организаціей различныхъ гражданскихъ отношеній. Когда ему представлялся случай взяточничества, въ его умѣ представлялось только понятіе о взяточествѣ и больше ничего; ему не приходило въ голову понятіе безправности и т. п. Изображая своего городничаго, онъ, конечно, и не воображалъ о томъ, находятся ли въ какомъ нибудь другомъ государствѣ чиновники, кругъ власти которыхъ соотвѣтствуетъ кругу власти городничаго и контроль надъ которыми состоитъ въ такихъ же формахъ, какъ контроль надъ городничимъ. Когда онъ писалъ заглавіе своей комедіи «Ревизоръ», ему вѣрно и въ

голову не приходило подумать о томъ, есть ли въ другихъ странахъ привычка посылать ревизоровъ; тѣмъ менѣе онъ могъ думать о томъ, изъ какихъ формъ вытекаетъ потребность посылать въ провинціи ревизоровъ. *Мы смѣло предполагаемъ, что ни о чемъ подобномъ онъ и не думалъ, потому что ничего подобнаго не могъ и слышать въ томъ обществѣ, которое такъ радушно и благородно приютило его (т. е. въ пушкинскомъ кружкѣ), а еще менѣе могъ слышать прежде, нежели познакомился съ Пушкинымъ... Гоголь видитъ только частный фактъ, справедливо негодуетъ на него, и тѣмъ кончается дѣло. Связь этого отдѣльнаго факта съ жизнью, со всею обстановкою нашей жизни вовсе не обращаетъ на себя его вниманія»¹⁾.*

При всемъ уваженіи къ почтенному автору этихъ строкъ, нельзя, однако же, не замѣтить, что высказываемыя въ нихъ мнѣнія объ умственномъ развитіи Гоголя поистинѣ представляются изумительными. Возможно ли считать столь ограниченными и умъ, и познанія жизни въ такомъ исключительномъ, великомъ художникѣ, какъ Гоголь? Возможно ли думать, что онъ самъ и лица пушкинскаго кружка были столь невѣжественны въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Все это дѣй-

¹⁾ Цитата эта заимствована также изъ книги г. Пыпина, но она принадлежитъ не ему, а другому критику-публицисту шестидесятыхъ годовъ.

ствительно «смѣло предположено» почтеннымъ критикомъ-публицистомъ, но предположено совершенно несправедливо и рѣшительно безъ всякихъ основаній. Какъ! Гоголь не имѣлъ «ни твердыхъ убѣжденій, ни опредѣленнаго образа мыслей», тотъ самый Гоголь, который съ поразительною настойчивостью, ясностью и глубиною проповѣдывалъ отъ раннихъ дней идею служенія общественной правдѣ посредствомъ творческаго слова и стремился осуществить ее въ жизни? Гоголь былъ похожъ на большинство полуобразованныхъ людей, тотъ Гоголь, который былъ исключительнымъ, необычайнымъ явленіемъ своего времени по геніальности ума и таланта? Развѣ обыкновенные полуобразованные люди геніи? Гоголю при созданіи «Ревизора» случалось рѣдко думать о томъ, что онъ показываетъ въ своей комедіи и въ своемъ великолѣпномъ драматическомъ этюдѣ о ней настолько ясно, насколько можно было это показать въ условіяхъ тогдашней цензуры? Гоголь не могъ знать самъ, не могъ слышать отъ Пушкина и людей его кружка ровно ничего о государственномъ строѣ у другихъ народовъ? Пощадите, ради Бога: вѣдь творецъ «Ревизора» — худо ли, хорошо ли, — но настолько, однако же, зналъ исторію, что читалъ лекціи въ университетѣ: вѣдь Пушкинъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени и, по свидѣтельству современниковъ (напримѣръ, Мицкевича), слѣдилъ за политической жизнью Европы съ изумительнымъ вниманіемъ, зналъ малѣй-

шія подробности политическаго устройства европейских государствъ; вѣдь князь Вяземскій тоже былъ изъ европейски просвѣщенныхъ людей своего времени, да и Жуковскій, кажется, не отсталъ отъ Пушкина и Вяземскаго въ этомъ отношеніи. И однако все это упускается изъ вида и критикъ-публицистъ «смѣло предполагаетъ» и въ Гоголѣ, и въ Пушкинѣ, и въ людяхъ его кружка самое первобытное невѣжество, какъ будто Гоголь и Пушкинъ и его друзья были не крупными писателями, а просто гимназистами среднихъ классовъ. Читаешь все это теперь и съ невольнымъ изумленіемъ спрашиваешь себя: ради чего подобныя странныя мнѣнія распространялись критикою шестидесятыхъ годовъ? Кажется, во-первыхъ, ради торжества формально-либеральной идеи, требовавшей непременно Гоголя и Пушкина, какъ мыслителей, поставить на низшую степень, ибо «направленіе» ихъ мысли шло въ разрѣзъ съ ходячимъ либерализмомъ; кажется, во-вторыхъ, ради того, что въ шестидесятые годы критика вообще считала себя необыкновенно возвышающеюся надъ «непосредственными» художниками, даже и геніальными. Съ высоты своего теоретическаго, книжнаго знанія, она не признавала творческій умъ и провидѣніе творческаго вдохновенія и старалась третиловать геніальныхъ художниковъ, какъ талантливыхъ, но почти чуждыхъ всякой «наукѣ» и, въ концѣ концовъ, поверхностныхъ въ мыслительномъ отношеніи людей.

А между тѣмъ, такіе гениальные художники, какъ Гоголь, какъ Пушкинъ, безъ сомнѣнія, и въ мыслительномъ отношеніи были тѣмъ, чѣмъ ихъ не хотѣла признать и не признаетъ до сихъ поръ формально-либеральная критика: они, какъ мыслители, стояли не только наравнѣ съ своимъ временемъ, но даже далеко опережали его. Такъ далеко эти гениальные люди стояли впереди своего времени по уму и по истинному знанію, что надлежащая оцѣнка ихъ глубокихъ идей, можетъ быть, предстоитъ еще отдаленному будущему. Съ формальной точки зрѣнія такіе гении, конечно, являются недостаточно образованными, такъ какъ они, видите ли, не проходили ни университетской, ни семинарской выучки; такъ какъ они, по выраженію критики шестидесятыхъ годовъ, относились «подозрительно» къ нѣмецкой философіи, плохо переваренныя идеи которой начинали въ ихъ время спутывать русскую мысль и выводить ее на ложный путь бесплоднаго и чуждаго русской жизни теоретизированія; такъ какъ они, наравнѣ съ равнодушіемъ къ этой пресловутой философіи, оставались равнодушными и къ неменѣе бесплоднымъ для насъ «общественнымъ» теоріямъ, заимствованнымъ напрокатъ изъ разныхъ мнимо-глубокихъ и мнимо-либеральныхъ доктринеровъ нарождавшагося въ ихъ время французскаго социализма. Но взамѣнъ такого формальнаго теоретическаго знанія люди, подобные Гоголю и Пушкину, обладали гораздо высшимъ знаніемъ, которое заимствовали

изъ источника своего творческаго генія. Они знали превосходно и въ высшей степени основательно все, что имъ нужно было знать для ихъ творчества: они знали жизнь и душу человѣка, они знали жизнь и душу своего народа. Они прозрѣвали гениальнымъ провидѣніемъ не одни только частные факты этой жизни, какъ старалась увѣрять и до сихъ поръ увѣрять формально-либеральная критика, а весь внутренній строй жизни, всю связь отдѣльныхъ ея фактовъ съ общимъ ея духомъ. Смѣшно говорить, что такое высшее знаніе дается геніямъ однимъ только инстинктомъ безъ участія самой упорной работы мысли, приходитъ имъ ни съ того, ни съ другого, вслѣдствіе «необыкновенной легкости въ мысляхъ», которою обладалъ Ив. А. Хлестаковъ. Смѣшно увѣрять, что Гоголь, создавая «Ревизора», не вѣдалъ самъ, что творилъ, не понималъ самъ глубины своего произведенія, точно такъ же какъ Пушкинъ, бывшій учителемъ Гоголя, не понималъ будто бы всей глубины «общественной» сатиры Гоголя. Гоголь-то и Пушкинъ все это понимали такъ глубоко и вѣрно, какъ никто не понималъ въ ихъ время и такого пониманія, они, конечно, достигали самой пристальной, самой напряженной работой мысли, самымъ отчетливымъ изученіемъ отдѣльныхъ фактовъ жизни и ихъ общей связи. Вѣдь главное свойство генія и заключаются въ томъ, что его умъ и чувство отличается исключительно напряженной работой, результатомъ которой являются глубокія творческія

созданія. Вездѣ такимъ образомъ думаютъ про геніевъ, вездѣ давнымъ-давно такъ смотрятъ на нихъ. И только мы еще до сихъ поръ не отрѣшились отъ забавнаго воззрѣнія, резюмирующагося фразой: «N N конечно, былъ великій геній, но при всемъ томъ обладалъ крайне ограниченной мыслью и имѣлъ мало свѣдѣній». Это смѣшное сужденіе, какъ читатели видятъ, сдѣлалось у насъ достояніемъ не только людей толпы, но даже либеральной критики. Благодаря именно этому смѣшному сужденію, мы такъ мало цѣнимъ своихъ самобытныхъ геніевъ, такъ скоро забываемъ ихъ и въ то же самое время рабски благоговѣемъ передъ всякою иноземною посредственностью на томъ основаніи, что онъ будто бы несравненно образованнѣе нашихъ геніальныхъ людей. Даже лица высшаго развитія заражены у насъ этой привычкой: вспомните, напримѣръ, что Тургеневъ упрекалъ гр. Л. Толстого за отсутствіе въ немъ «истиннаго знанія» и въ то же самое время, вѣроятно, благоговѣлъ передъ высокой «образованностью» разныхъ французскихъ и нѣмецкихъ беллетристовъ, въ родѣ Ауэрбаховъ и Флоберовъ. А вѣдь знаніе — я не говорю уже о силѣ творчества — Флоберовъ и Ауэрбаховъ передъ знаніемъ Толстого — очень незначительно: названные иностранные таланты знали кой-какія книжки, а Толстой, по выраженію одного поэта, относящемуся къ Шекспиру, знаетъ жизнь, «какъ Богъ». И такимъ же божественнымъ знаніемъ отличался и Гоголь, котораго наши журнально-либеральные кри-

тики силились и сияются до сихъ поръ выставить отсталымъ мыслителемъ, человѣкомъ, у котораго мысль не ладила съ творчествомъ съ самаго ранняго возраста и окончательно распаталась и ослабла въ послѣдніе годы его литературной дѣятельности...
